…ступах к Брянску

торый, как я прекрасно знал, не располагал ни достаточным количеством людей, ни боеприпасами, провести такую операцию? И почему вражеские солдаты, захваченные в плен, нестроевые?.. А не под Дубровкой ли то самое место, откуда враг не предполагает нашего удара?

Я тут же сел в машину и поехал на командный пункт В. С. Попова, который находился неподалеку от КП нашего фронта.

В. С. Попов подтвердил все мои догадки. Вместе с ним мы выехали в район Дубровки, ознакомились с обстановкой. Было ясно: именно отсюда следует наносить удар. Для прорыва слабой обороны врага в этом районе много войск не потребуется. За одну-две ночи можно подтянуть две-три дивизии, 2-й гвардейский кавкорпус и полки ГМЧ. С этими силами вполне можно начинать наступление... Что касается авиации, она в перегруппировках не нуждается. А ствольную артиллерию командарм-10 согласился предоставить свою, разумеется, при условии, что мы обеспечим ее снарядами. На обратном пути я соображал, как лучше обмануть противника, убедить его, что мы не меняем своих намерений и готовим наступление в районе Кирова. Ствольную артиллерию нашего фронта, думал я, чтоб не привлекать внимания противника к перегруппировке, оставим под Кировом. Пусть ведет огонь по прежним целям! Командующему 3-й армии поставим задачу всемерно сковывать противника под Кировом и перейти в наступление, как только враг ослабит свою оборону и начнет перебрасывать подкрепления в район Дубровки... А дивизии, которые будут наступать под Дубровкой, возьмем из 50-й армии.

Словом, еще по дороге домой у меня зародился план, который, как мне казалось, мог сбить врага с толку...

Вернувшись на командный пункт, я прежде всего созвонился с командующим Западным фронтом генералом В. Д. Соколовским. Он согласился с моими соображениями и не стал возражать против временной «аренды» полосы 10-й армии войсками нашего фронта.

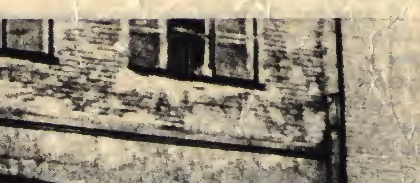
Более трудный разговор по телефону мне предстоял со Ставкой: неприятно во второй

Брянск освобожден.

Фото С. Короткова.

Наши пришли!

войск не потребуется. За одну-две ночи можно подтянуть две-три дивизии, 2-й гвардейский кавкорпус и полки ГМЧ. С этими силами вполне можно начинать наступление... Что касается авиации, она в перегруппировках не нуждается. А ствольную артиллерию командарм-10 согласился предоставить свою, разумеется, при условии, что мы обеспечим ее снарядами. На обратном пути я соображал, как лучше обмануть противника, убедить его, что мы не меняем своих намерений и готовим наступление в районе Кирова. Ствольную артиллерию нашего фронта, думал я, чтоб не привлекать внимания противника к перегруппировке, оставим под Кировом. Пусть ведет огонь по прежним целям! Командующему 3-й армии поставим задачу всемерно сковывать противника под Кировом и перейти в наступление, как только враг ослабит свою оборону и начнет перебрасывать подкрепления в район Дубровки... А дивизии, которые будут наступать под Дубровкой, возьмем из 50-й армии.

Словом, еще по дороге домой у меня зародился план, который, как мне казалось, мог сбить врага с толку...

Вернувшись на командный пункт, я прежде всего созвонился с командующим Западным фронтом генералом В. Д. Соколовским. Он согласился с моими соображениями и не стал возражать против временной «аренды» полосы 10-й армии войсками нашего фронта.

Более трудный разговор по телефону мне предстоял со Ставкой: неприятно во второй раз просить изменить направление удара. Тем более, что в Военном Совете фронта мнения по поводу изменения сроков и района прорыва разделились, кое-кто из членов Военного Совета, в частности Л. З. Мехлис, высказался против такого решения.

Но я был убежден, что именно здесь, под Дубровкой, мы быстро добьемся успеха, а главное — не понесем больших потерь. Совесть подсказывала: надо звонить в Ставку.

Заместитель начальника Генерального штаба генерал А. И. Антонов, которому я доложил свои соображения, ответил, что утверждение нового решения требует санкции И. В. Сталина. Пока я ждал окончательного ответа, штаб фронта приступил к подготовке и планированию операции у Дубровки.

Около 13 часов 5 сентября позвонил И. В. Сталин.

— Ручаетесь ли вы за успех под Дубровкой?— спросил он.

— Ручаться полностью трудно,— отвечал я.— Но это наиболее целесообразное решение. Приложим все усилия, чтобы перехитрить немца.

— Ну что ж, действуйте. Постарайтесь начать наступление не позже седьмого сентября...

Дальнейшие события показали, что нам удалось обмануть врага. Наступление под Дубровкой, которое началось в 11 часов 7 сентября

Брянск освобожден.

Фото С. Короткова.

Наши пришли!

после мощного удара бомбардировочной авиации и основательной артподготовки, в которой главную роль играли полки ГМЧ, наша пехота, поддерживаемая танками и штурмовиками, устремилась в атаку, не встречая организованного сопротивления. В самое короткое время и почти без потерь оборона врага была прорвана. Командарм-3 доносил, что под Кировом на стороне противника никаких передвижений не отмечается. Это означало, что наш удар был для врага полной неожиданностью.

Я отдал распоряжение ввести в прорыв 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Мимо КП 50-й армии, с которого я наблюдал за ходом боя, крупной рысью, вздымая пыль, промчались конники.

В небе над Дубровкой появилась десятка «юнкерсов», но, встреченная мощным огнем зенитчиков, повернула вспять. Один из «юнкерсов» был сбит. Взятый в плен гитлеровский летчик, увешанный железными крестами, фашистский ас, который, как выяснилось, был командиром этой десятки, растерянно рассказал, что он готовился к вылету на Киров, как вдруг, перед самым стартом, его десятке приказали лететь на Дубровку...

Около 14 часов позвонил генерал А. И. Антонов. Слышимость была хорошая, и я подробно доложил ему, как развиваются события.

— Значит, я могу порадовать командование?— спросил А. И. Антонов.

— Конечно, можете. Дело идет хорошо, мы немцев тут наверняка обыграем.

Лишь днем 8 сентября противник разобрался, что к чему, понял, какая угроза нависает над ним с тыла, и под прикрытием дымовых завес начал отвод своих войск из-под Кирова. Третья армия генерала Горбатова начала настойчивое преследование отступающего врага.

Конечно, не обошлось и без осложнений. Воспользовавшись тем, что конники 2-го гвардейского кавкорпуса, быстро продвигаясь вперед, оторвались от наших наступающих стрелковых дивизий, враг по образовавшемуся коридору начал отводить свои войска из Брянских лесов на запад, за Десну. Таким образом кавкорпус оказался отрезанным. Действительно конфуз. Кавкорпус в упорных боях, в которых он израсходовал большую часть боеприпасов, пробился к Жуковке, переправился через Десну, захватил плацдарм на ее западном берегу и продолжает его удерживать. Такой успех! И вдруг мы дали врагу отрезать кавкорпус! Это очень беспокоило и нас и Ставку, и мне пришлось выслушать резкие замечания Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

Я заверил Верховного, что принимаются все меры, что подтянуты новые стрелковые дивизии и полки ГМЧ, что здесь сосредоточены удары авиации.

— Словом,— заключил я,— с Крюковым завтра-послезавтра мы соединимся. Прошу вас не беспокоиться.

— Ну, смотрите,— последовал ответ.

Партизаны Брянского леса. 1942 год.
Фото Я. Давидзона.

...ЗЕМЛИ

Вл. ПАВЛОВ

Не верится нынче, четверть века спустя, что по этим самым местам водили свои бригады и соединения знаменитые партизанские командиры!

А ведь именно здесь, на Брянщине, в чаще Клетнянского леса, у деревни Мамаевки, стояло лагерем наше партизанское соединение дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова. Под Злынкой, у разъезда Закопытье, я впервые в жизни принял участие в диверсии на железной дороге — мы сожгли вражеский поезд с бензином. А между селами Николаевка и Каталино, раскинувшимися на берегах Ипути, прорывали кольцо вражьей блокады.

И еще в то далекое время и я и мои товарищи знали, что партизаны взорвали на Десне, под Брянском, знаменитый Голубой мост, по которому шло снабжение вражеской группировки, готовящейся наступать под Курском. Что Вторая Клетнянская партизанская бригада под командованием Тимофея Коротченко разгромила станцию Пригорье, а Первая — ею командовал Федор Данченков — совершила дерзкий налет на деревню Сергеевку, в которой находился дом отдыха гитлеровских летчиков Сещинской авиабазы. Мы знали, что под Дятьково — партизанский край, работают сельсоветы и райком партии, что под Навлей и Трубчевском

Никто не остался в стор[...]
той войны. В леса и в п[...]
уходили и женщины, и ст[...]
дети, и здоровые, и боль[...]
дили целыми семьями. И[...]
не все из этих семей во[...]
лись к мирной жизни без п[...]
Кто без сына, кто без внука, [...]
бушки, деда, матери или отца...
А то и все до единого сложили головы на партизанских тропах или в гитлеровских застенках.

* * *

Эх, Иван, Иван, стоишь ты над пропастью, у самого ее края, и знаешь, что только один шаг отделяет тебя от гнбели! Не глубока та пропасть — всего-навсего высота бочки. Да на шее петля: шагнешь — затянется.

Привязана эта петля к суку старой липы, мимо которой столько раз пробегал и проходил ты с малолетства до этого страшного часа. И, кажется, сама липа стонет от того, что невольно помогает казнить тебя...

Кругом враги. Ненавнстные серозеленые солдаты обступили лнпу, ждут, когда ты скажешь слово. Слово, которое спасет твою жизнь, но сделает тебя предателем. И люди, согианиые солдатамн со всей деревни, тоже ждут, затаив дыхание: скажешь или не скажешь?

— Как твое имя, где ты живешь? Говори! — в какой раз спрашивает переводчик, повинуясь приказам офицера.— Ты молодой, тебе надо жить... Расскажи, где находятся партизаны, кто здесь связан с нимн, назови паролн и явкн, и ты останешься жить. Жить! Понимаешь?!

Но ты молчншь...

Никто не знает н не узнает, о чем думал Иван Гаруськин, когда его, окровавленного, привели к старой липе, что растет посредн поселка, привязали к суку веревку, прикатили бочку. Он оттолкнул палачей, которые подхватилн было его под руки, сам встал на бочку н сам накинул себе петлю на тонкую мальчишескую шею. Но если Иван думал в тот час о прожитой жизни, хоть и немного ее отмерила судьба, ему было что вспомнить.

Ни Иван, ни его сестра Анна, ни мать не спрашивали у главы семейства — Игната Игнатьевнча Гаруськина,— что им надо делать, когда в Белизненский поселок, в котором они жили, вступили гитлеровцы. Отец был коммунистом, и это предопределяло его ответ.

— С чего начнем, батя?— только и спросил Иван.

— С оружия, сынок... Вон его сколько в поле!

Темными, осеннимн ночами, под дождем, оскальзываясь на топкой земле, отец и сын бродили по местам недавннх боев, собиралн оружие, оттиралн его от ржавчины и от порохового нагара, смазывали, прятали в сарай, под сено, в заранее приготовленную яму. К весне

ся, что к чему, понял, какая угроза нависает над ним с тыла, и под прикрытием дымовых завес начал отвод своих войск из-под Кирова. Третья армия генерала Горбатова начала настойчивое преследование отступающего врага.

Конечно, не обошлось и без осложнений. Воспользовавшись тем, что конники 2-го гвардейского кавкорпуса, быстро продвигаясь вперед, оторвались от наших наступающих стрелковых дивизий, враг по образовавшемуся коридору начал отводить свои войска из Брянских лесов на запад, за Десну. Таким образом кавкорпус оказался отрезанным. Действительно конфуз. Кавкорпус в упорных боях, в которых он израсходовал большую часть боеприпасов, пробился к Жуковке, переправился через Десну, захватил плацдарм на ее западном берегу и продолжает его удерживать. Такой успех! И вдруг мы дали врагу отрезать кавкорпус! Это очень беспокоило и нас и Ставку, и мне пришлось выслушать резкие замечания Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

Я заверил Верховного, что принимаются все меры, что подтянуты новые стрелковые дивизии и полки ГМЧ, что здесь сосредоточены удары авиации.

— Словом,— заключил я,— с Крюковым завтра-послезавтра мы соединимся. Прошу вас не беспокоиться.

— Ну, смотрите,— последовал ответ.

13 сентября генерал Крюков донес, что на линии его КП вышли стрелковые дивизии и что он направляет их на плацдарм, который его конники отстояли в упорнейших, ожесточенных боях.

Словом, конница в этой операции сыграла важную роль. Мне по этому поводу позвонил С. М. Буденный.

— А еще говорят, что конницу нельзя использовать в современной войне! Присваиваю тебе звание буденновца!

Успех войск 50-й армии и 2-го кавалерийского корпуса вынудил гитлеровское командование поспешно отвести свои войска, противостоящие 3-й и 11-й армиям Брянского фронта. Преследуя врага, войска 11-й армии с боями преодолели Брянские леса, 17 сентября форсировали Десну, вышли на подступы к Брянску и Бежице и овладели этими городами. Враг, над тылами которого нависала теперь смертельная угроза, под ударами быстро наступающих советских войск не смог их удерживать и, как я уже говорил, поспешно бежал, не успев уничтожить подготовленные к взрыву заводы, фабрики и дома. Жители торжественно встретили освободителей. Вечером столица нашей Родины вновь салютовала воинам Брянского фронта.

А Брянский фронт, не давая врагу передышки, продолжал наступление.

ПАМЯТЬ ЗЕМЛИ

рем наше партизанское соединение дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова. Под Злынкой, у разъезда Закопытье, я впервые в жизни принял участие в диверсии на железной дороге — мы сожгли вражеский поезд с бензином. А между селами Николаевка и Каталино, раскинувшимися на берегах Ипути, прорывали кольцо вражьей блокады.

И еще в то далекое время и я и мои товарищи знали, что партизаны взорвали на Десне, под Брянском, знаменитый Голубой мост, по которому шло снабжение вражеской группировки, готовящейся наступать под Курском. Что Вторая Клетнянская партизанская бригада под командованием Тимофея Коротченко разгромила станцию Пригорье, а Первая — ею командовал Федор Данченков — совершила дерзкий налет на деревню Сергеевку, в которой находился дом отдыха гитлеровских летчиков Сещинской авиабазы. Мы знали, что под Дятьково — партизанский край, работают сельсоветы и райком партии, что под Навлей и Трубчевском действуют крупные партизанские силы под руководством командира Емлютина и комиссара Бондаренко.

Я знал все это и многое видел сам. А сейчас еду по брянской земле и невольно спрашиваю себя: впрямь ли все это было? Уж больно мирно вокруг! Гудят трактора в поле. На колхозных дворах у новеньких кирпичных построек, среди шеренг комбайнов, только что закончивших жатву, суетятся озабоченные люди. Свечки водонапорных башен подпирают высокое голубое небо. Стада разлеглись в лугах на полуденный отдых. А по проселкам пылят вереницы грузовиков.

И только памятники, которые встречаются то в селе, то в местечке, то на перекрестках дорог, памятники да еще леса — звонкие березняки и хмурые боры — напоминают о годах военного лиха, о небывалой по масштабу и напряжению всенародной партизанской войне, которая была поднята здесь, на Брянщине, партией коммунистов.

офицера: — Ты молодой, тебе надо жить... Расскажи, где иаходятся партизаны, кто здесь связан с иими, иазови пароли и явки, и ты останешься жить. Жнть! Понимаешь?!

Но ты молчишь...

Никто ие знает и не узнает, о чем думал Иваи Гаруськин, когда его, окровавлеиного, привели к старой лнпе, что растет посредн поселка, привязалн к суку веревку, прнкатнли бочку. Он оттолкиул палачей, которые подхватилн было его под рукн, сам встал на бочку н сам накинул себе петлю на тоикую мальчншескую шею. Но если Иван думал в тот час о прожитой жизин, хоть и иемного ее отмерила судьба, ему было что вспомнить.

Нн Иван, нн его сестра Анна, ни мать не спрашивали у главы семейства — Игната Игнатьевнча Гаруськина,— что им надо делать, когда в Белизненский поселок, в котором они жилн, вступили гитлеровцы. Отец был коммунистом, и это предопределяло его ответ.

— С чего начием, батя?— только и спроснл Иван.

— С оружня, сынок... Вон его сколько в поле!

Темнымн, осеннимн ночами, под дождем, оскальзываясь на топкой земле, отец н сын бродили по местам недавннх боев, собнрали оружне, оттирали его от ржавчины н от порохового нагара, смазывали, прятали в сарай, под сено, в заранее приготовлеиную яму. К весне у них был целый арсенал — с полсотни вннтовок, несколько ручных пулеметов, два «макснма» и около сотни тысяч патроиов в цннках н пулеметиых лентах. Да еще две пушки-сорокапятки были иадежио запрятаны в кустах на берегу Белнзны.

Нет, это было непросто — перенести вдвоем такое колнчество виитовок, пулеметов и патроиов. Игнат Игнатьевич же был уже немолод, а Иван от рождення хром. И приходилось Гаруськиным делать все это в кромешиой тьме, да так, чтоб ни едниая живая душа ие знала про их ночные походы. Углядн чей-ннбудь недобрый глаз сгорбившнеся под тяжелой ношей фнгуры отца н сына — н конец. Но никто не углядел, а ежели н углядел — не выдал. Не нашлось в поселке нн одного предателя. Да н не однн Гаруськнны собнралн оружне.

А в окрестных лесах уже гремели партнзаиские выстрелы, и по селам и хуторам шарнли гестаповцы, вынюхнвая партизаиские связи. Держать оружие в сарае стало небезопасно, н однажды ночью отец н сын вырыли на огороде яму н бережно уложнлн в нее все собранное. Мать н дочь посадилн сверху лук. Утром ннкому н в голову бы ие пришло, что под луковой грядкой — тайный оружейиый склад!

Впрочем, на новом месте склад существовал недолго. Комаидир отряда нмени Чапаева (впоследствни